

ГОРОД КАК МЕТАФОРА В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ: СМЫСЛОВЫЕ КОНТЕКСТЫ «ГОРОДСКИХ» МУЗЫКАЛЬНЫХ СОЧИНЕНИЙ РУБЕЖА XX–XXI в.

А.В. Ванчугов¹

¹ Новосибирская государственная консерватория им. М.И. Глинки, Новосибирск, 630099, Российская Федерация

Аннотация. С древних времен сложилось толкование Города как нечто большего, чем населенный пункт с рядом географических и хозяйственно-экономических характеристик. В Священном Писании, мифах, трудах философов, творчестве мастеров искусств Город нередко выступал формой представления о мироздании, духовных исканиях человека, идеалистических моделях мироустройства, социальных и культурных устоев. Постигание смыслов через иносказание о Городе становилось особым творческим и интеллектуальным процессом, освещение которого актуально с точки зрения развития урбанистических теорий и продолжения исследований в области музыкального содержания, поскольку интерес современных композиторов к городской тематике все возрастает. Как показало исследование, будучи предметом метафоры, Город способен к отражению самых животрепещущих тем прошлого и современности. Актуальность статьи обусловлена необходимостью обозначить ключевые вехи истории иносказательных представлений о Городе в различных теософских, философских и художественных практиках, что позволит рассмотреть проблему комплексно и выработать типологию метафор в музыкальном искусстве. Изучение многосоставной темы «Город как метафора» предполагает вовлечение исследовательских взглядов, сложившихся в нескольких областях гуманитарного знания. Методологическая база основывается на историческом подходе, позволяющем поступательно рассмотреть вехи и обнаружить скрытые коннотативные значения в культурном наследии прошедших эпох. В результате становится возможным понимание основных «точек» развития глобального исторического процесса наращивания урбанистических иносказаний.

Ключевые слова: Город, метафора, Библия, Средневековье, Ренессанс, Новое время, философия, теология, искусство, литература

Конфликт интересов. Автор сообщает об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Ванчугов А.В. Город как метафора в исторической ретроспективе: Смысловые контексты «городских» музыкальных сочинений рубежа XX–XXI в. // *Вестник музыкальной науки*. 2022. Т. 10, № 2. С. 140–152. DOI: 10.24412/2308-1031-2022-2-140-152.

CITY AS A METAPHOR IN HISTORICAL RETROSPECTIVE: MEANING CONTEXTS OF “CITY” MUSICAL COMPOSITIONS AT THE LINK OF THE XXth–XXI centuries

A.V. Vanchugov¹

¹ M.I. Glinka Novosibirsk State Conservatory, 630099, Novosibirsk, Russian Federation

Abstract. Since ancient times, there has been an interpretation of the City as something more than a settlement with a number of geographical and economic characteristics. In the Holy Scriptures, myths, the works of philosophers, the works of masters of art, the City often became a form of representation of the universe, the spiritual quest of man, idealistic models of

the world order, social and cultural foundations. Comprehension of meanings through allegory about the City has become a special creative and intellectual process, the coverage of which is relevant from the point of view of the development of urban theories and the continuation of research in the field of musical content, as the interest of modern composers in urban themes is increasing. As the study showed, being the subject of a metaphor, the City is capable of reflecting the most burning themes of the past and present. The relevance of the article is due to the need to identify key milestones in the history of allegorical representations of the City in various theosophical, philosophical and artistic practices, which will allow us to present the problem comprehensively and allows you to develop a typology of metaphors in the art of music. The study of the multi-component theme of the City as a metaphor involves the involvement of research views that have developed in several areas of humanitarian knowledge. The methodological base is based on a historical approach that allows us to progressively consider milestones and discover hidden connotative meanings in the cultural heritage of past eras. As a result, it becomes possible to understand the main "points" of the development of the global historical process of increasing urban allegories.

Keywords: City, metaphor, bible, Middle Ages, Renaissance, modern times, philosophy, theology, art, literature

Conflict of interests. The authors declare the absence of conflict of interest.

For citation: Vanchugov, A.V. (2022), "City as a metaphor in historical retrospective: meaning contexts of "city" musical compositions at the link of the XXth–XXI centuries", *Journal of Musical Science*, vol. 10, no. 2 pp. 140–152. DOI: 10.24412/2308-1031-2022-2-140-152.

Обширная тема города издавна интересовала обывателей, мыслителей, мастеров искусства и предлагала разнообразные варианты ее трактовки. Сюжеты об Иерусалиме и Китеже, Вавилоне и Риме, Петербурге и Москве оказывались способными раскрывать важные стороны бытия человечества, взгляды на мир, историю, судьбу отдельных личностей и позволяли через иносказание утверждать важные мировоззренческие установки¹. Усиливающаяся иносказательность Города привела к накоплению ряда моделей метафор («небесный город», «град Божий», «город-храм», «город Солнца», «идеальный город», «город-сад», «город-музей», «город-призрак», «город страхов», «город-спрут»), отвечающих за универсальные смыслы и глобальные поиски человеческой мысли.

В музыкальном искусстве названия городов нередко фигурировали у мастеров барочно-классической эпохи. Однако представление о них никак не отражалось на содержа-

нии этих произведений. Расцвет темы города пришелся, конечно, на XX – начало XXI в., и, что важно для нас, в этих сочинениях все чаще выявляются *метафорические свойства Города* (как на один из первых примеров подобного рода следует указать на «Сказание о невидимом граде Китеже и девице Февронии» (1904) Н. Римского-Корсакова). Ближе к рубежу веков происходит накопление метафорических опусов: назovem «Тобольскую симфонию» (1971) А. Мурома, «Гамбург» (1987) Г. Бове, «City Life» (1995) С. Райха, «Петербург» (1995) Г. Свиридова, «Китеж-19» (2004) И. Юсуповой, «Любимый ненавидимый город» (2012) П. Карманова.

Рассмотрим отдельные вехи «накопления» иносказательных свойств Города.

Рассуждать о городе, как о нечто большем, чем населенный пункт с хозяйственно-экономическим комплексом, скоплением архитектурных и инженерных сооружений, начали еще во времена древних цивили-

лизаций. В культурном сознании древнего общества с городом часто ассоциировались представления о мироздании: первоначало, природные стихии, небесные законы, Истина, Бог, дух. В мифах большинства народов мира на протяжении столетий фигурировали десятки идеальных небесных городов (шумерский священный город Ниппур (Дуранки); древнеегипетский «первый город», созданный в начале мироздания; тибетский «Привлекательный город врачебной науки»; древнеиндийская небесная столица мира – город Индры). Во многих этносах сложился свой образ города-Абсолюта как модель мироздания.

Характерно, что во многих мифах и текстах город противопоставляется не-городу (ничто, небытию, смерти)². Иная дихотомия складывалась из понятий «город-рай» и «город-ад». В первом случае формировалось понимание города как сакрального пространства, духовного центра, средоточия признаков цивилизации³. Город-ад (город Каина – Енох) концентрировал зло, пороки и болезни, нес погибель, олицетворял греховное, временное, искусственное. «Дальнейшей “урбанизации сознания” свидетельствовала тенденция мировых религий иносказательно соотносить с городом представления о духовных сущностях (город-рай, город-ад, город-чистилище), рисовать бесконечные образы сияющих в заоблачной выси “градов обетованных” и ужасных подземных “градов вечных мук”...» (Стародубцева Л., 1999, с. 80).

Семантика городских образов в истории культуры начинает создавать основу целого словаря метафор⁴. Повествования о судьбах горо-

дов становятся притчами о жизни отдельного человека или целого народа, измеряя, с одной стороны, индивидуальность «Я» и, с другой, – выходя уже на категории глобального масштаба. Город в этом пути постижения Я и Мира оказывается посредником, вбирающим в себя обе меры, одновременно масштабным, но ясно очерченным (ограниченным).

Велико число обращений к метафорам города в текстах Священного Писания. Через притчу о спасении Ниневи, жители которой погрязли в грехах, но раскаялись и потому познали спасение от Бога, встает история искупления человека. Повествования о Лаодикии, Гадаре, Содоме и Гоморре стали иносказаниями человеческих согрешений, гордыни, выбора неверных ценностей. Метафоризация города на страницах Библии заявляет о сосуществовании двух миров: земного и небесного. На одной стороне оказываются Вавилон, Содом и Тир, которые становились местом для сбора людей, выступивших против Бога, а на другой – Иерусалим из Ветхого Завета и Новый Иерусалим из Книги Откровения, выражающий идеал единения людей между собой и их единства с Богом. Итоговую «доктрину» библейских рассуждений раскрывают понятия *метаполис* – город, предназначенный для человечества в будущем, и *мегаполис* – город реальный, раскрывающий жизнь в настоящем времени (термины М.Г. Клайна (Kline M., 1991, p. 112)).

Свой вклад в развитие метафорического взгляда на город внесли древнегреческие мыслители. Общество полисов, складывающееся с VI в. до н.э., исходило из катего-

рии космического универсума, объединяющего природу, богов и человека в единое целое, осмысливаемое через номос, т.е. закон, установленный и рассчитанный разумом. Именно идея разумного устройства, стремления к познанию всего окружающего породила понимание города как государства, организованного пространства, защищающего всех своих граждан как стенами, так и правами. В свою очередь Фалес Милетский, Эпикур, Аристотель видели в городах-полисах модель вселенной, человеческого космоса, бесконечного и бессмертного, в условиях которого протекали все события греческой цивилизации. Теоретическое построение идеального полиса становится главной задачей для Аристотеля (трактат «Политика»), который понимает иносказательно и одновременно практически, что полис есть высшая форма человеческого объединения, идеал пространства, знак стремления к организованной разумности.

В античное время сформировался концепт «Идеального города», ставший на многие века метафорой особенного общественного устройства и специфического, зачастую полностью отличного от существующих моделей, архитектурного городского облика. Разработанный Платоном (427–347 гг. до н.э.) и изложенный в диалоге «Государство, или О справедливости», он стал архетипом утопии для последующих философов и ученых. Принцип концентрического устройства города (от центра к периферии), деления граждан на сословия позволяли бы достичь ему процветания и славы равной славе Атлантиды. То была первая попытка создания теории о городе-утопии.

Новый уровень осмысления города через проекцию рассуждений отцов церкви происходит в эпоху Средневековья. Беря за основу идею «града Божьего» из Псалтыри, на новую – после античности – ступень развития метафорического подхода к городу выходит Аврелий Августин Блаженный (354–430 гг.). Прибегая к метафоре града Божьего, богослов развертывает концепцию философии истории, целостную философско-теологическую систему и представляет идею морального прогресса. Всю историю человечества Августин описывает как сосуществование двух людских формаций, разнящихся как потомки Каина и Авеля; развивая идею Небесного Града, говорит о вечном его существовании, об истинном и полном счастье тех, кто в нем обитает.

В отличие от древнегреческих философов, Августин на первый план выводит не город-государство, а дает принципиально новую версию истории, которую формируют три события: «первородный грех, ожидание прихода Спасителя, воплощение и страдание Сына Божьего с образованием его дома (града) – Церкви» (Грицанов А., 2002). Понимание человеческой жизни как смущения и беспокойства, истинного просветления как пространства Небесного Града, в который устремятся души праведников – эти и многие другие постулаты Августина Блаженного станут основополагающими более чем на 1000 лет.

Отдельным представлением о метафорическом прочтении города следует считать учение или точнее позиции восточных отцов церкви⁵. С градом теперь коррелируют категории души и ума. Подобно тому,

как для защиты города вокруг него возводятся стены, так и человек должен создать внутренний идеал, защищенный от внешних веяний. Метафора «града» видится как проекция борьбы человека со страстями и внешними греховными деяниями.

Новый виток в процессе осмысления города происходит в западно-европейской культуре в X–XII вв. Через комментарии к Священному Писанию монахи десятков орденов предлагали новые трактовки идей и постулатов Августина Аврелия Блаженного. Причиной письменных аналитических трактовок послужили многочисленные переводы Библии на латинский язык (Вульгата). Для обозначения города и его составляющих частей начинает использоваться ряд обозначений: *civitas*, *urbs*, *oppidum*, *castellum*, *castrum*, *vicus*, *civitas cum foro*, *aquaeductus* и др. (см. подробнее: (Редькова И., 2014)). Часть этих терминов и названия конкретных городов или объектов стали метафорами, прочно вошедшими в культуру христианского мира.

Первичная игра смыслов происходила в силу применения терминов *civitas* и *urbs*, которые вобрали в себя понятия полисов, земного или небесного города. Так, земной Иерусалим понимался через термин *civitas terrena*, а небесный – через *civitas Dei*. Важным шагом в развитии концепции явилось постепенное «объединение» двух городов (читаем: человеческих борений и поисков) в едином смысловом поле, что свидетельствовало, по-видимому, об усложнении восприятия мира, неоднозначности его понимания. Так, Оттон Фрейзингский (1111 / 1115–1158) прибегает к понятию

«два города – два государства», синонимизируя *civitas Dei* и *regnum Dei* и отождествляя земной град с империями, сменявшимися друг друга (*translatio imperii*) от начала мира.

Свою позицию предложил Бернард Клервоский (1091–1153), отказывающийся от противопоставления Вавилона и Иерусалима и предлагающий принципиально новую модель, в которой *civitas Dei* – это Вифлеем. Маленький захолустный городок, избранный Богом-отцом для рождения своего сына Иисуса на земле, являет новую метафору скромного по облику, но великого по сути «места». Компонентами иносказания для представителей монашества XII–XIII вв. служат составляющие урбанистического пространства (башни, стены, ворота, мосты, площади). Так, ворота (*porta*) являются метафорами входа в град Божий, приобщения к покаянию, невинности и сдержанности (Р. Сен-Викторский); мосты – это иносказательные иллюстрации перехода к покаянию (Г. Фольетский).

Новое понимание природы человека и миропорядка, присущее Ренессансу, ведет к изменениям в восприятии города: он по-прежнему присутствует как иносказание, однако теперь представление о нем преобразуется, следуя за антропоцентрическими концепциями ведущих мыслителей того времени.

Теолог и ученый энциклопедист Николай Кузанский (1401–1464) ставит вопрос познания мира и обращается к городской метафоре, посредством которой мыслится теперь человек. Размышления об истинности мировосприятия приводят Кузанского к соединению трех

постулатов и моделей философии: древнегреческого понимания чувственного опыта (позиции неоплатонизма), средневекового божественного абсолюта (формула «Бог во всем и всё в Боге») и нового, сформировавшегося в эпоху Ренессанса взгляда на человека как самого разумного, наделенного аналитической способностью божественного сознания (разум как богоподобие человека).

Разносторонняя деятельность Л.Б. Альберти (1404–1472) была связана с феноменом объединения знаний и подходов философии и архитектуры. Именно это новое понимание архитектуры как фундаментального учения о миропорядке⁶ позволяет выходить на такой уровень обобщений и выражения предварительной (в чертежах) концепции целого, которая предстает теперь как самоценный проект вне зависимости от его реального воплощения. В трактате «10 книг о зодчестве» (1443–1452) Альберти предлагает взгляд на идеальный город, продуманный как по планировке, так и по социальному устройству: этот город удовлетворяет теперь всем потребностям отдельной гармонически развитой личности и общества в целом⁷.

Сходных позиций придерживается А. Аверлино (по прозвищу Филарете, ок. 1400–1469 / 71) – создатель написанного в форме диалога с заказчиком «Трактата об архитектуре» (*Libro architetonico*, 1460–1464), главный «проектировщик» идеального города Сфорцинда под Миланом, частично воплощенного в реальности. Город Филарете детально представлен в воображении архитектора: проект соответствовал геометрической пропорционально-

сти восьмиконечной звезды, тем самым создавая гармонию, благоприятное и уравновешенное расположение всех объектов. Город противопоставлялся хаотичной застройке эпохи Средневековья, декларируя идею нового ренессансного мироустройства.

Утопические проекты идеального градоустройства появлялись на протяжении XV–XVI столетий, активизируясь в моменты экономического и политического упадка и приостановки промышленного производства. Назовем «Утопию» (1516) Т. Мора; «Общие правила архитектуры» (1537) С. Серлио; «Новый мир» (1548) А.Ф. Дони; «Счастливый город» (1553) Ф. Патрици; «Четыре книги об архитектуре» (1570) А. Палладио. Все перечисленные авторы соединяли социально-политические и градостроительные концепции, в которых иносказания об идеальном мире ассоциировались с гармонией, идущей от солнечного света.

Концепция, изложенная в «Городе Солнца» (1602) Т. Кампанеллы, была направлена на серьезное социально-экономическое и политическое преобразование общества (см. подробнее: (Чекалов К., 2005)). Мощно укрепленный, рационально спланированный город становился идеальным местом для процветания общины, жизнь которой основывалась на коллективной собственности, всеобщем равенстве, радости труда, разумной и контролируемой организации всех сторон жизни «солариев».

Культ науки и религии (его отражение – храм на холме в центре города), простые и ясные законы и необходимые знания (их суть ото-

бражалась на росписях городских стен), лежал в основе коммунистической утопии. Строение города было проекцией подчинения жизни каждого гражданина всеобщему порядку. По архитектурному строению город представлял как прообраз солнца, к которому ведут четыре дороги, сходящиеся к центру. Таким образом, город Кампанеллы можно рассматривать как метафору неба или рая на земле, новой социумной жизни, универсального общества.

Город как предмет иносказания мы обнаруживаем и у мастеров изобразительного искусства. Важно указать на то обстоятельство в понимании ренессансного художника, что связано с его универсальностью: владение научными и философскими знаниями обуславливает не просто художественное изображение городских пейзажей, но целую систему смыслов, предстающую при разработке конкретного произведения искусства. Нарастивание визуального компонента происходит в ориентире на античную эпоху, с постепенным отходом от средневекового канона.

Наиболее демонстративно новое понимание пространства декларируется через его трехмерность, которая будет основополагающей для живописи на столетия вперед, хотя и не найдет всемирного признания. Особое ощущение одной точки, необходимой для наблюдения картины, придавало произведениям эффект театральности, игровой ситуации, расстановки нужных акцентов. Строго выверенные проекции городских фонов, в которые вписаны библейские, мифологические, реальные персонажи, способствуют проявлению ощущения «значитель-

ности своего времени» (Данилова И., 1975, с. 25).

От работ Ф. Брунеллески, Л.Б. Альберти и П. делла Франчески берет начало пространственная городская живопись. Такие крупные центры, как Венеция, Рим, Флоренция, концентрировали ведущие общественные, политические и культурные устремления своего времени. В Венецию (вместо севера Франции) перенесено действие из Жития святой Урсулы на картине «Приезд английских послов к королю Бретани» В. Карпаччо (1465–1526). Аллегории доброго правления и процветания (власть короля Мауруса) и трагической судьбы Урсулы (знак искупления и благодати для народа) раскрываются через изображение Венеции, максимально приближая действия к миру обывателей, реализую «характерную для венецианцев способность воспринимать события под знаком истории», отмечает А.В. Степанов (2003, с. 390)⁸.

Иные принципы обращения к городской теме представлены в творчестве мастеров Северного возрождения, на многих картинах которых город – обязательный фон для людской жизни. Изображая городские площади и улицы, художники сообщали о социальном статусе города, правильном мироустройстве. Техника работы с масляными красками позволяла долго и тщательно выстраивать детали сюжетов, а само пространство изображаемого стало подчинено вещам, а не перспективе, что обуславливало возможность создания многослойности смысловых значений.

Излюбленным фоном в изображении людской жизни город становится на полотнах П. Брейгеля Старше-

го. В изображении стихии городской народной жизни в «Играх детей» Брейгеля сквозит ирония относительно бессмысленной человеческой деятельности. В картине «Битва Масленицы с Великим Постом» город предстает как вечное противостояние греха (площадь с постоянными дворами, лавками, трактирами) и праведности (Церковь, окруженная примитивными домиками). Кульминацией творчества Брейгеля становится «Вавилонская башня» (1563)⁹ – выдающаяся трактовка популярного библейского сюжета, который в своих прочтениях прошел путь от иносказательности греха гордыни к объяснению мультикультурности современного мира. Увлечение этим сюжетом в XVI в. нидерландскими мастерами было симптоматичным.

Бурный экономический расцвет Голландии и стремительная урбанизация наталкивали на параллели с библейским мегаполисом. Раскрывая сюжет о Вавилоне, Брейгель метафоризирует сразу несколько глобальных обстоятельств современности: и пугающий перенаселенностью и множеством чужаков Антверпен, и печальную судьбу империи Габсбургов. Уподобляя работу архитекторов деятельности политиков, демонстрируя обилие технологичных новаций строительства, а также помня о заложенных в веках сравнениях Вавилона и Рима, Брейгель изобразил башню схоже с трагически знаменитым Колизеем, указывая на насильственное и жестокое насаждение порядков.

Для Нового времени (XVII в.) ощущение иносказательного понимания города в философии и искусстве нашло отражение через дилемму рационального отношения

к действительности, которое отрицало метафоричность (позиции философов логического направления) и противоположные представления о возможности метафоры как необходимой константе, раскрывающей содержание и способствующей декодированию смыслов (художники и поэты).

Отношение к городскому пейзажу в иерархии жанров изобразительного искусства Европы в XVII–XVIII вв. было как к самому низкому: для большей его значительности требовалось объединение нескольких жанров в рамках одного произведения. Соединение топографических изображений города с бытовыми сценами – наиболее популярный симбиоз для представителей Нидерландов. Например, в творчестве П. де Хоха (1629–1684) представлена урбанистическая серия картин «Дворики» (1655–1661), иллюстрирующая жизнь и принципы миропорядка города Дельфт. Приватное пространство, спокойное времяпровождение были призваны продемонстрировать прощание с бурной социально-политической жизнью и вхождение в эпоху доминирования индивидуально-личного.

Начиная с работ А. Маньяско (1667–1749) «Привал бандитов» (1710-е) и «Вакханалия» (ок. 1710–1720), в европейскую живопись входит традиция изображения руин, которая станет особенно популярной в романтическом искусстве. Разрушающиеся античные арки (разумеется: наследие великой эры в истории человечества) становятся метафорой потерянного идеала, на руинах которого теперь творятся бесчинства. Жанр ведуты в итальянском изобразительном искусстве

в XVIII столетии сосредоточивается на крупных центрах. Так, представление о Риме в эпоху Просвещения сочетало реальный и воображаемый город, взывая к фантазийному переносу в прошлое и апеллируя к способности интеллектуального и эмоционального погружения в культуру античности. Современный Рим прочитывался исключительно через перспективы Древнего Рима и тем самым создавал метафору утраченного величия и былого могущества.

Метафоризация присуща городам, фигурирующим в литературных произведениях европейских авторов XVII–XVIII вв. Так, в сонете «Сеньор дон Сеговийский мост» (1610) испанца Л. де Гонгора (1561–1627) построенный по приказу Филиппа II мост в городе Сеговия становится метафорой былого могущества и текущего бессилия Испании: помпезное сооружение никак не сочетается с мелкой рекой Мансанарес и демонстрирует разрыв между желаниями правителей и действительным состоянием государства.

В романе «Дневник чумного года» (1722) Д. Дефо (1660–1731), описывая Лондон, обращается к метафоре города-тюрьмы: он подавляет личность, усиливая ее страдания и рождая болезненное восприятие действительности, и вместе с тем оказывается единственным местом спасения людей. Дж. Свифт (1667–1745) в «Путешествии Гулливера» (1726) представляет через мятежный город Линдолино (шифрованное название ирландской столицы Дублин, закладывающее в сознании читателя проблему самоопределения нации) метафору Ирландии, на-

ходящейся под гнетом Англии и на протяжении XVII–XVIII вв. стремящейся к освобождению.

Взяв за основу насыщенность жизни и принципы мышления граждан Франции XVIII в., П. Мариво (1688–1763) словами героя комедии «Ошибка» (1734) создал метафору центра мира, где Париж – это весь мир, а остальная земля – его пригороды. В Германии сатирический роман «История абдеритов» (1774) К.М. Виланда (1733–1813) иносказательно показывает цепочку глупых поступков жителей древнефракийских Абдер. Все чаще город воспринимается негативно (Д. Дидро, Ж.Ж. Руссо).

Акцент в познании города и обращении к теме урбанизации в XIX столетии смещается в сторону художественной литературы, которая теперь охотно апеллирует к образам французской столицы, представляя отдельные ее стороны через метафоры. Так, О. де Бальзак (1799–1850) в сочинениях «Златоокая девушка» (1833) и «Отец Горио» (1834) прибегает к таким метафорам Парижа, как *океан, лес, поле*, за которыми встают неохватность, непостижимость города и одновременно смешение людей, которые рождаются и умирают и остаются порочными и добродетельными одновременно. Океан устроен словно хаос, в котором добро и зло слиты воедино и сосуществуют одновременно. Бальзак прибегает и к метафоре огня, ассоциируя его с адом. Город постоянно дымит, горит, блестит, пылает, сверкает, превращаясь в подобие ада на земле.

Виктор Гюго (1802–1885) в романе «Отверженные» (1862) использует метафоры *моря и чащи леса*,

передавая необъятность, глубину, непредсказуемость всех событий, случившихся в городе и с героями эпопеи. Париж – своего рода водоворот, где все теряется. Эта чаща надежно укрывает человека-беглеца, который скрывается в Париже, словно в пучине. Гюго описывает Париж как «славного малого», «циничного весельчака», который оказывается «всеядным» – конгломератом ценностных установок как высоких, так и низких. У Г. Флобера (1821–1880) в романе «Госпожа Бовари» (1856) звучит метафора Парижа-океана – неохватного как любая стихия и непостижимого как глубина настоящего океана. Грандиозность города и невозможность его полного постижения – вот что объединяет французских писателей, стремящихся донести миру через понятный язык романов глубинные смыслы цивилизации XIX в.

Особое место в ряду городских метафор занимает Петербург, понимание которого двояко: город триумфа и торжества национального самосознания, он же – центр зла, преступлений, город-бездна. Еще до первых стихотворений А.С. Пушкина формируются образы (стереотипы) о Петербурге, во многом экстраполирующиеся на Россию в целом, с ее метаниями между Западом и Востоком, мучительными поисками самоидентичности. Искусственный, подобный всем западным городам, «вторгшийся» в Россию «как зримый символ европеизации...» (Дугин А., 2015, с. 214), Петербург и в наши дни выступает как город-метафора судьбы России и ее многострадальных людей.

Новый шаг в осмыслении метафорических смыслов города принадле-

жит XX в. В. Беньямин, А. Лефевр и Д. Мессей формулируют термины, которые передают специфические характеристики города (метафоры «транзитивности», «полиритмичности» и «отпечатков следов») ¹⁰. На рубеже XX–XXI вв. обращение к теме «Город как метафора» происходит как в отечественном гуманитарном знании, так и зарубежном. Так, 2004 г. С.Э. Ларсен (Svend Erik Larsen) опубликовал статью (2004), посвященную метафорам саморефлексии (демонстративной и порождающей) в текстах У. Митчелла и О. де Бальзака. Новые ряды метафор, связанных с городом, предлагает Роза Шмаль (Schmal R., 2013) город как *мозаика, память, текст, Другой* как город. Метафоризируя как сам Город, так и отдельные явления через него (город как хранилище воспоминаний; жанр романа как город, в котором может заблудиться писатель и читатель; человек как метафора современного города, открытого для (само)познания и поиска новых ракурсов на знакомые вещи), автор доказывает, что привычное восприятие вещей способно меняться при использовании метафоры, взгляда с новой стороны.

В заключение отметим, что в музыкальном искусстве обозначенные случаи урбанистических метафор (конечно, далеко не все) находят свое специфическое преломление. Попытка типологизировать на основе социологических, культурологических подходов урбанистические метафоры в музыке позволяет выделить метафоры «Град Божий или Святой град», «Город-мегаполис», «Город как опыт самосознания», «Мертвый Город», «Город как метафора судьбы государства». Назван-

ные модели являются только частью обширной панорамы, заслуживаю-

щей дальнейшего детального рассмотрения.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ «Очевидно, с ходом тысячелетий урбанизируется не только ландшафт земли, не только образ жизни человечества, но и мысль человека: Город становится фундаментальным элементом языка образного мышления и метафорой сознания», – отмечает Л.В. Стародубцева (1999, с. 87).

² «Город – это форма, ограда, крепость, помогающая выстоять перед Пустыней, Степью, Лесом. Город возникает на границе, охраняет границы и навсегда остается метафизической границей. Город – это Космос, противостоящий Хаосу, очеловеченное пространство, антропологически оформленное бытие, человеческое измерение космоса. Город – способ проведения границы, отделяющей космос от хаоса, культуры от варварства, своего и чужого, жизни и смерти, бытия и небытия», – отмечает С.П. Гурин (2003).

³ «Город защищает от врагов и открыт для друзей. Город находится на земле, расплзается в разные стороны, но всегда устремлен вверх, поднимается на холмы, возвышается высотными домами, как будто желая стать Небесным Иерусалимом» (Гурин С., 2003).

⁴ Как отмечает Л.В. Стародубцева, «спуск в подземный Вавилон легко истолковать как уход в подсознание. Образ затонувшего города обычно интерпретируется как забвение, погружение на дно океана памяти. Город поднялся из пучин – аллегория воспоминания. Вознесение в небесные грады – метафора восхождения духа. Разрушение стен – падение границ внутреннего и внешнего. Го-

рящий город – образ ада, в том числе, и ада сознания...» (1999, с. 75).

⁵ В данном случае представлены позиции охватывающие воззрения восточных богословов за полторы тысячи лет: Иоанна Златоуста (ок. 347–407), Максима Исповедника (580–662), Григория Паламы (1296–1359), Игнатия Брянчанинова (1807–1867) (Шустров А., 2013).

⁶ Если быть точными, впервые идею архитектора-мыслителя предлагал еще I в. до н.э. Марк Витрувий Поллион в трактате «Десять книг об архитектуре» (1936).

⁷ «Город должен быть разделен на различные пространственные зоны: в центральной расположены здания сената, высших государственных учреждений, дворец правителя и магистратов. Отдельно расположены кварталы трудового люда – ремесленников, мелких торговцев и крестьян», – отмечает А.В. Сопов (2014, с. 34).

⁸ Анализ городских деталей полотна позволяет выявить множество подробностей индикаторного свойства. Так, лодка с группой щеголей, ведущих праздный и вольный образ жизни, направляется, тем не менее, в сторону церковной постройки – колокольни, а взгляд одного из них устремлен к изображенному на стене «Апофеозу св. Урсулы».

⁹ Подробнее о нескольких картинах на один сюжет П. Брейгеля Старшего см. в статье К.А. Чупрака (2004).

¹⁰ Разработки названных авторов представлены в работе Э. Амина и Н. Трифта (2002).

ЛИТЕРАТУРА

Амин Э., Трифт Н. Внятность повседневного города // Логос. 2002. № 3-4. URL: <http://magazines.russ.ru/logos/2002/3/amin.html> (дата обращения: 12.11.2021).

Витрувий. Десять книг об архитектуре / пер. Ф.А. Петровского. Т. 1. М.: Изд-во Всесоюз. Акад. архитектуры, 1936. 331 с. (Классики теории архитектуры).

Грицанов А.А., Абушенко В.Л. О Граде Божьем // История философии: Энцикл. Минск: Интерпрессервис; Кн. Дом, 2002. URL: http://www.velikanov.ru/philosophy/o_grade_bozh'em_avgustin_blazhenyj.asp (дата обращения: 14.11.2016).

REFERENCES

Amin, E., Trift, N. (2002), "The intelligibility of the everyday city", *Logos*, no. 3–4. Available at: URL: <http://magazines.russ.ru/logos/2002/3/amin.html> (дата обращения: 12.11.2021) (Accessed 12 November 2021). (in Russ.)

Chekalov, K.A. (2005), "Transformation of Renaissance architectural thinking in the 17th century ("City of the Sun" by T. Campanella and "Adonis" by G. Marino)", *Prostranstvo i vremya voobrazhaemoi arkhitektury. Sintez iskusstv i rozhdenie stilya. Tsaritsynskii nauchnyi vestnik* [Space and time of imaginary architecture. Synthesis of arts and the birth of style. Tsaritsyno Scientific Bulletin], Issue. 7–8, Moscow, pp. 22–36. (in Russ.)

- Гурин С.П. Образ города в культуре: Метафизические и мистические аспекты // Материалы конференции «Города региона: Культурно-символическое наследие как гуманитарный ресурс будущего». 2003. URL: http://www.comk.ru/HTML/gurin_doc.htm (дата обращения: 03.12.2016).
- Данилова И.Е. От Средних веков к Возрождению (Сложение художественной системы картины кватроченто). М.: Искусство, 1975. 127 с.
- Дугин А.Г. Русский Логос – русский Хаос. Социология русского общества. М.: Акад. проект, 2015. 583 с. (Gaudeamus).
- Редькова И.С. Образ города в западноевропейской экзегетике XII века: Дис. ... канд. ист. наук. М., 2014. 326 с.
- Сопов А.В. Леон Баттиста Альберти: Воплощение гуманистического идеала «homo universale» // Проблемы современной науки и образования. 2014. № 7. С. 34–36.
- Стародубцева Л.В. Город как метафора сознания // Урбанизация в формировании социокультурного пространства / Рос. акад. наук; Науч. совет по истории мировой культуры. М.: Наука, 1999. С. 70–93.
- Степанов А.В. Искусство эпохи Возрождения: Италия. XIV–XV века. СПб.: Азбука-классика, 2003. 504 с.
- Чекалов К.А. Трансформация ренессансного архитектурного мышления в XVII веке («Город Солнца» Т. Кампанеллы и «Адонис» Дж. Марино) // Пространство и время воображаемой архитектуры. Синтез искусств и рождение стиля. Царицынский научный вестник. Вып. 7–8. М., 2005. С. 22–36.
- Чупрак К.А. Две картины Питера Брейгеля Старшего, изображающие строительство Вавилонской башни // Вестник СПбГУ. 2004. Сер. 2, вып. 3–4. С. 120–123.
- Шустров А.В. Бесконечная жизнь (православный взгляд на проблему жизни и смерти) // Культурное наследие России / Рос. науч.-исслед. ин-т культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева. 2013. № 2. С. 11–17.
- Kline M.G. Kingdom Prologue. MA: M.G. Kline. Wipf and Stock. 1991. 418 p.
- Larsen S.E. The City as a Postmodern Metaphor. KONTUR. nr. 10. 2004. Pp. 27–33.
- Shmal R. "The city as a metaphor". Abstract of dissertation DLA, 2013. 5 p.
- Chuprak, K.A. (2004), "Two paintings by Pieter Brueghel the Elder depicting the construction of the Tower of Babel", *Vestnik SPbGU* [Bulletin of St. Petersburg State University], Ser. 2, no. 3–4, pp. 120–123. (in Russ.)
- Danilova, I.E. (1975), *Ot Srednikh vekov k Vozrozhdeniyu (Slozhenie khudozhestvennoy sistemy kartiny kvatrochento)* [From the Middle Ages to the Renaissance. (Addition of the artistic system of the Quattrocento painting)], *Iskusstvo*, Moscow, 127 p. (in Russ.)
- Dugin, A.G. (2015), *Russkii Logos – russkii Khaos. Sotsiologiya russkogo obshchestva* [Russian Logos – Russian Chaos. Sociology of Russian society], Akad. Proekt, Moscow, 583 p. (in Russ.)
- Gritsanov, A.A., Abushenko, V.L. (2002), "About the City of God", *Istoriya filosofii* [History of Philosophy], Interpressservice, Minsk. Available at: http://www.velikanov.ru/philosophy/o_grade_bozh_em_avgustin_blazhennyj.asp (Accessed 14 November 2016). (in Russ.)
- Gurin, S.P. (2003), "The image of the city in culture: Metaphysical and mystical aspects", *Materialy konferentsii "Goroda regiona: kul'turno-simvolicheskoe nasledie kak gumanitarnyi resurs budushchego"* [Materials of the conference "Cities of the region: cultural and symbolic heritage as a humanitarian resource of the future"], Available at: http://www.comk.ru/HTML/gurin_doc.htm (Accessed 03 December 2016). (in Russ.)
- Kline, M.G. (1991), "Kingdom Prologue", MA: M.G. Kline. Wipf and Stock, 418 p. (in Eng.)
- Larsen, S.E. (2004), "The City as a Postmodern Metaphor", KONTUR. nr. 10, pp. 27–33. (in Eng.)
- Redkova, I.S. (2014), *Obraz goroda v zapadnoevropeiskoi ekzegetike XII veka* [The image of the city in the Western European exegetics of the XII century], Cand. Sc. Thesis, Moscow, 2014, 326 p. (in Russ.)
- Shmal, R. (2013), "The city as a metaphor", Abstract of dissertation DLA, 5 p. (in Eng.)
- Shustrov A.V. (2013), "Infinite life (Orthodox view of the problem of life and death)", *Kul'turnoe nasledie Rossii* [Cultural heritage of Russia], no. 2, pp. 11–17. (in Russ.)
- Sopov, A.V. (2004), "Leon Battista Alberti: the embodiment of the humanistic ideal «homo universal»", *Problemy sovremennoi nauki*

i obrazovaniya [Problems of modern science and education], no. 7, pp. 34–36. (in Russ.)

Starodubtseva, L.V. (1999), “City as a metaphor for consciousness”, *Urbanizatsiya v formirovanii sotsiokul'turnogo prostranstva* [Urbanization in the formation of socio-cultural space], Nauka, Moscow, pp. 70–93. (in Russ.)

Stepanov, A.V. (2003), *Iskusstvo epokhi Vozrozhdeniya: Italiya. XIV–XV veka* [Renaissance Art: Italy. XIV–XV centuries], Azbuka-klassika, Saint Petersburg, 504 p. (in Russ.)

Vitruvius (1936), *Desyat' knig ob arkhitekture* [Ten books about architecture], transl. F. Petrovsky, vol. 1, Izd-vo Vsesoyuz. Akad. Arkhitektury, Moscow, 331 p. (in Russ.)

Сведения об авторах

Ванчугов Антон Владимирович, аспирант Новосибирской государственной консерватории им. М.И. Глинки (научный руководитель – кандидат искусствоведения, доцент Ю.В. Антипова), ORCID: 0000-0002-1025-4413

E-mail anton-van@mail.ru

Authors information

Anton V. Vanchugov, Postgraduate of the M.I. Glinka Novosibirsk State Conservatory (scientific supervisor – Cand. Sc. (Art Criticism), associate professor Yu.V. Antipova), ORCID: 0000-0002-1025-4413

E-mail anton-van@mail.ru

Поступила в редакцию 18.04.2022

После доработки 23.05.2022

Принята к публикации 24.05.2022

Received 18.04.2022

Revised 23.05.2022

Accepted for publication 24.05.2022